

Что вы об этом думаете?

Как сделать, чтобы люди, искупившие свою вину,
быстрее включились в трудовую жизнь?
Свою точку зрения высказывают работники милиции

Как и где жить людям, вернувшимся из заключения? Думаю, что этот вопрос не может не волновать общество. Оно кровно заинтересовано в том, чтобы такие люди, коль скоро они искупили свою вину, быстрее включились в сознательную трудовую жизнь, стали активными гражданами своей страны.

Но всё ли у нас делается для наиболее разумного решения этой проблемы? И, в частности, способствуют ли этому огульно применяемые паспортные ограничения?

Как известно, лицам, совершившим в прошлом определённые преступления, не разрешается жить в некоторых крупных городах и районах страны. На первый взгляд может показаться, что в этом ограничении есть свой смысл.

Преступников у нас единицы, тогда как в Москве, Ленинграде и других крупных центрах живут миллионы честных советских граждан. Так разве ограждение миллионов от посягательств единиц не есть акт социальной справедливости? Чтобы ответить на этот вопрос, перенесём проблему на почву реальной жизни и хотя бы на примера нашего города разберёмся, какой практический эффект даёт действующее «Положение о паспортах».

В Переславле-Залесском, расположенном на границе Ярославской и Московской областей, значится немало лиц, вернувшихся из заключения и не имеющих права жить в Москве и Подмоскowie.

Употребив слово «значится», я отнюдь не оговорился. Напротив, я погрешил бы против истины, если бы сказал, что эти люди у нас живут.

Будучи прописанными в Переславле, многие из них к нашему городу не имеют ни малейшего отношения и большую часть жизни проводят в Москве или Московской области. Ведь если у человека там семья, а от Москвы его отделяют каких-нибудь полтора-два часа езды на электричке, отсутствие прописки вряд ли его остановит. Но есть и другие случаи, когда нам даже неизвестно, где эти лица, работают ли они, да и вообще неизвестно, чем занимаются эти «мнимые переславцы».

Вот некоторые весьма красноречивые данные нашего паспортного стола. «Гражданка Иванова Т. Н., уроженка Москвы. В прошлом была осуждена по статье 144, ч. II УК РСФСР. Вернувшись из заключения, прописалась в Переславле, по улице Первомайская, 23. В 1969 году выехала из города, не выписавшись». В неизвестном направлении отбыли прописанные и по сей день в нашем городе Н. Н. Савченко, А. Г. Сидоров, Е. А. Абдулина и многие другие.

Лишь из сообщений судебно-прокурорских органов — причём, как ни парадоксально, чаще всего московских — мы можем судить, чем обернулось для таких лиц это «неизвестное направление». Недавно, например, москвичи сообщили нам о новом преступлении осуждённого в прошлом Г. М. Калиничева, прописанного в посёлке Берендеево Переславльского района.

А вот биография другого нашего «жителя», Л. И. Устинова. Вернувшись из заключения, он попытался прописаться под Загорском, где жила его семья, но, получив отказ, прибыл в наш город. Здесь пьянствовал, «летал» с работы на работу. И как результат: групповой грабёж и 6 лет.

Казалось бы, положение о паспортах служит для того, чтобы оградить столицу от преступных одиночек. Но в жизни получается обратное. Предоставленные самим себе, оторванные от своих семей и коллективов, эти лица совершают ещё более тяжкие преступления. Притом нередко в Москве, куда по букве закона им закрыт доступ. Вот и получается, что буква закона приходит в явное противоречие с его смыслом и духом.

Мои предложения? Прежде всего паспортные ограничения не должны быть огульными.

Вопрос о том, разрешить или запретить человеку жить в том или ином городе или районе, должен решаться применительно к его личности, а не к статье уголовного кодекса. Критерий тут один — насколько он перевоспитался в местах лишения свободы, насколько можно ему доверять. В этом смысле данная ему там характеристика, раскрывающая его общественное лицо (а не бытующая до сих пор форма № 1, ни о чём не говорящая ни уму, ни сердцу), могла бы стать основанием для решения этого вопроса.

Разумеется, для отдельных неисправимых подонков ограничения следует сохранить. Быть может, есть смысл внести их в статью 22 УК РСФСР в качестве дополнительного наказания за особо тяжкие преступления. Но и в этом случае администрации мест заключения надо предоставить право входить в суды с ходатайством об отмене паспортного ограничения. Если человек своим трудом и поведением доказал, что он встал на честный путь, суд может разрешить ему жить в любом месте нашей страны.

И. Телепнёв,
начальник Переславль-Залесского
горотдела внутренних дел